

Источник: Евтушенко Е. А. Шекспир о Михоэлсе // Новый век. 2002.
№ 2. С. 329–330.

Евгений Евтушенко

Шекспир о Михоэлсе

Какая разница вам,
кем был я,
Шекспир, —
мужчина,
женщина,
актеришка,
вельможа.

Не королевская,
не сталинская ложа —
галерка равных для меня весь мир.
Я — англичанин?

Что-то не похоже.

Истлела моя аглицкая кожа.
Я всеми стал.

Я стал древней,
моложе.

Я — каждое лицо,
личина,
рожа.

Я — русский Гамлет
Я — еврейский Лир.

Меня играли разные актеры
и допускали фальшь или повторы,
скользя, как по паркету полотеры,
по тексту окровавленному пьес.

Но были и актеры,
кто матеры.

Кровь убиенных шла у них
сквозь поры
так, что рыдали даже билетеры,
и был актер особенный,

который
Шекспира не играл —
им жил, как Торой,
жил по Шекспиру волею небес.
Шишкаст был его лоб,
почти мозолист.
Гамлет-Лир по имени Михоэлс,
он Гамлета, к несчастью, не сыграл.
Но лишь глаза мои в него всмотрелись,
я вздрогнул от предчувствий —
даже «Фрэйлэхс»
вокруг него перерастал в хорал.
Он лысенький был,
с реденьким начесом,
с приплюснутым,
почти боксерским носом,
но красотой гения красив.
Край сцены стал
смертельнейшим откосом,
и гамлетовским
внутренним вопросом
он сам шагнул навстречу
тем колесам...
Эпоха грязным, грузным труповозом
его не пожалела,
раздавив.
Любой палач
с душой, как преисподня,
есть извращенье замысла Господня.
В России,
где тиран сменял тирана,
огромной сценой стала вся земля
шекспировско-русского театра —
Но Пушкин —
вот ее Шекспир —
не я.
В России все актеры —
крепостные,

да и сама она —
 Шекспироссия —
актриса крепостная в железах.
Она — то в роли матери,
 то мачехи.
В глазах скорбящих у нее не мальчики,
а гении кровавые в глазах.
Зачем я стал Шекспир?
 Зачем все в мире видно
мне сквозь гробы и лбы,
 сквозь рябь газет?
У власти кто?
 Те, за кого нам стыдно.
Тех, перед кем нам стыдно,
 с нами нет.
Себе быть на уме —
 трусливая тюрьма.
Дай Бог нам смелости,
 чтобы сойти с ума!
Прости, Михоэлс...
 От чужого пира
осталось лишь похмелье...
 Пусто, сиро...
Я ухожу...
 Михоэлс, там, вне мира,
найди мне чистый угол помощи.
Я слишком стар.
 Я сломан, как рапира.
Но в новом веке
 нового Шекспира
я слышу командорские шаги!

4–5 января 1997 г.

*Это стихотворение впервые было прочитано
5 января 1998 года в Большом театре
в день открытия Фестиваля им. Михоэлса.*